

„Новое слово“ 1896 (2011), кн. 1 октябрь

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧЪ МАМИНЪ.

«Вотъ въ этой сочной травѣ, подернутой утренней росой, съ виду тоже тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь, въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни...»

(Маминъ. Уральскіе рассказы, т. I, стр. 42).

с. 125

I.

Дм. Нарк. Маминъ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной нашей беллетристикѣ, и имя его не даромъ ставится на одномъ ряду съ такими почтенными именами, какъ В. Г. Короленко, Ант. Пав. Чеховъ, В. И. Немировичъ-Данченко и Игн. Ник. Потапенко. По моему же мнѣнію, Д. Н. Маминъ, если не превышаетъ означенныхъ писателей по художественному таланту, то по широтѣ захвата жизни, по обилію, разнообразію и значенію явленій дѣйствительности, типовъ, характеровъ, какіе вы встрѣтите въ несмѣтной массѣ его произведеній, наконецъ, по той глубинѣ, какую обнаруживаетъ онъ въ освѣщеніи изображаемыхъ явленій,—едва-ли онъ имѣетъ равнаго себѣ въ нашей современной отечественной литературѣ.

Такъ, неговоря уже о талантливости Д. Н. Мамина, обратите вниманіе на то поразительное знаніе жизни, особенно южно-уральскаго и западно-сибирскаго краевъ, во всѣхъ ихъ углахъ и закоулкахъ, какое обнаруживаетъ Д. Н. Маминъ въ своихъ произведеніяхъ. Это не поверхностныя свѣдѣнія любознательнаго путешественника, изучающаго край хотя бы на основаніи строго научныхъ данныхъ, но все-таки мимоѣздомъ и съ птичьего полета. Передъ нами писатель, который, проживъ въ родномъ краю долгіе годы, изучилъ его вдоль и поперекъ, а главное дѣло, проникъ въ сокровенные тайники его жизни. Вслѣдствіе этого, каждое крупное произведеніе Д. Н. Мамина, заключаая въ себѣ массу цѣннаго матерьяла, даетъ, сверхъ того, то, чего не найдете вы ни въ какихъ этнографическихъ трактатахъ, какъ бы ни были они цѣнны

въ научномъ отношеніи: раскрываетъ передъ вами живую душу обитателей изображаемаго края.

Какъ великъ запасъ матерьяла, какимъ владѣетъ Д. Н. Маминъ, мы можемъ судить по его изумительной неистощимости. Въ прессѣ не разъ уже высказывались сѣтованія на чрезмѣрную литературную плодовитость его и опасенія, какъ бы онъ не исписался, при неумѣренномъ израсходованіи своихъ художественныхъ силъ. Но мы видимъ, что сѣтованія эти ничѣмъ не оправдываются. Въ каждомъ изъ новыхъ произведеній, являющихся по нѣскольку въ теченіе года, вы находите что-нибудь новое, чего Д. Н. Маминъ еще не касался, и творчество его является неистощимымъ. Плодовитость Д. Н. Мамина представляется естественнымъ результатомъ обилія внутреннихъ богатствъ, безъ малѣйшаго насилія писателя надъ своимъ талантомъ. Напротивъ того, было бы насиліемъ, еслибы Д. Н. Маминъ воздерживался бы всячески отъ излишняго писанія: ему некуда было бы дѣть накопленный годами матерьялъ; приходилось бы задыхаться въ своемъ собственномъ творческомъ тукѣ и унести въ могилу массу неупотребленныхъ въ дѣло сокровищъ.

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, — и по художественному таланту, и по широтѣ захвата жизни, и по глубинѣ проникновенія въ нее, наконецъ, по неистощимой плодовитости, — казалось бы, Д. Н. Маминъ имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться писателемъ, пользующимся общеевропейскою извѣстностью или, по крайней мѣрѣ, властителемъ душъ и сердецъ своихъ соотечественниковъ. И между тѣмъ, ничего мы этого не видимъ: не только въ Европѣ Мамина не знаютъ, но и въ Россіи онъ далеко не оцѣненъ по заслугамъ, и многіе, видя въ немъ ничего болѣе, какъ романиста-этнографа, слава Богу, если ставятъ его на одну доску съ Мельниковымъ-Печерскимъ.

А между тѣмъ, попробуйте сравнить Д. Н. Мамина хотя бы съ Золя. По силѣ таланта Маминъ нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту, если только не превосходитъ его. Что же касается до обилія матерьяла, даваемого обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы и сравнивать Золя съ Маминымъ. Какъ ни хвалится Золя своимъ тщательнымъ изученіемъ изображаемой жизни, анатомированіемъ ея по всѣмъ методамъ естественно-научныхъ изслѣдованій, — на самомъ дѣлѣ вся эта похвальба является часто чистѣйшимъ шарлатанствомъ. Двѣ, три поѣздки въ изображаемую мѣстность, двѣ, три тощихъ брошюры оказываются совершенно достаточными для тѣхъ рамокъ, въ которыхъ Золя разрисовываетъ свои излюбленные адюльтеры и альковныя тайны, причемъ подъ громкимъ названіемъ научныхъ матерьяловъ являются подъ часъ просто на просто затасканные путешественниками всѣхъ націй гиды. Развѣ можно и сравнивать всѣ подобные пресловутые «документы» съ тѣми основательными свѣдѣніями, какія находите вы въ романахъ Д. Н. Мамина? <...>

А. Скабичевскій

Н О В О Е С Л О В О (СПб.)

1896. № I. Октябрь.

С.133.

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН

/.../ Обратите внимание, что как раз в то самое время, т.е. в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, вышли на литературное поприще разом несколько молодых беллетристов, которые пессимистическим характером своих произведений как нельзя более гармонировали с мрачным фоном эпохи. Таковы были Новодворский, Гаршин, Альбов, Баранцевич, Ант.Чехов. К этой группе следует отнести и Д.Н.Мамина. /.../

А.Скабичевский.

*Зат-е к,
уже записано.
в библ. с. 125*